

Научная статья

УДК 130.121.4

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10713

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ И АНТРОПОМОРФИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Светлана Андреевна Песина¹, Татьяна Юрьевна Солончак²

¹Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия, spesina@bk.ru

²Starglobe Ltd, Лугано, Швейцария, tanusha_mgn@mail.ru

Аннотация. Предлагается выявление особенностей антропоморфной парадигмы транспонирования качеств человека на окружающий мир с определением типа подобного взаимоотношения, включая перенос свойств человека на объекты и явления окружающей среды, связанные с выходом в язык результатов концептуализации и категоризации. Постоянно происходящее оязыковление реализуется с опорой на контексты употребления соответствующих концептов в обыденной речи. Антропоморфизм может являться зонтичным термином по отношению к таким смежным пересекающимся феноменам вторичной номинации, как анимизм, аниматизм, олицетворение (персонификация), гиголоизм. Вместе с тем в человеке в рамках концептуальной и языковой картин мира сталкиваются природа и культура со своим набором смыслов, идеалов, правил и норм.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма, антропоморфизм, семантическая структура слова, многозначное слово, семантика, значение

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>.

Для цитирования: Песина С. А., Солончак Т. Ю. Антропоцентрическая и антропоморфическая парадигмы в современной лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 113—119. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10713.

Original article

ANTHROPOCENTRIC AND ANTHROPOMORPHIC PARADIGMS IN MODERN LINGUISTICS

Svetlana A. Pesina¹, Tatiana Yu. Solonchak²

¹Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia, spesina@bk.ru

²Starglobe Ltd, Lugano, Switzerland, irinapulekha@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the general picture of the development of the anthropocentric paradigm and the approaches used in the study of anthropocentrism in linguistics. It is shown how the nomination of the most important worldview attitudes of a person is embodied through natural language, including the transfer of human characteristics to objects and environmental phenomena associated with the release of the results of conceptualization and categorization into the language. Constantly occurring linguistics should be implemented based on the contexts of the use of relevant concepts in everyday speech. Anthropomorphism can be an umbrella term in relation to such adjacent intersecting phenomena of secondary nomination as animism, animatism, epitome (personification), hylozoism. The concept of anthropomorphism is broader, since it assumes that the various characteristics of a person — physical, physiological, and mental - are extrapolated to objects and phenomena of the surrounding reality, whereas, for example, in the case of animatism and animization, it is only a question of enlivening (animatism) or animation (animism) of nature. However, nature and culture with their own set of meanings, ideals, rules and regulations encounter in a person within the framework of the conceptual and linguistic pictures of the world. All kinds of cultures conduct a dialogue through a person who comprehends meanings based on the possibilities of his anthropocentric and anthropomorphic perception.

Keywords: anthropocentric paradigm, anthropomorphism, semantic structure of a word, polysemantic word, semantics, meaning

Acknowledgements. The study was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>.

For citation: Pesina SA, Solonchak TYu. Anthropocentric and anthropomorphic paradigms in modern linguistics. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(7(465)):113-119. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10713.

Введение

Для нас представляет интерес развитие исследований в области семантических внутрисловных связей в рамках утвердившейся в современной лингвистике когнитивной парадигмы. Человек пребывает в своей наивной, национально и культурно-обусловленной картине мира, которую он конструирует с неиссякаемой энергией и которая имеет выход в язык. Изучать особенности этих картин мира означает изучать генезис человеческого мышления. Ответы на вопросы о том, как посредством естественного языка воплощаются важнейшие мировоззренческие установки человека, включая перенос свойств его характера и эмоций, перенос принципов строения собственного тела на объекты и явления окружающей среды, являются первостепенными, если мы хотим знать важнейшие механизмы, управляющие мышлением человека.

В частности, антропоцентризм как базовый термин по отношению к таким понятиям, как антропоморфизм, аниматизм, олицетворение и другие, предполагает экстраполяцию свойств человека на объекты и явления окружающей действительности.

В исследовании механизмов мышления человека и их воплощения в языке и актах речи важен учет социального и антропоморфного факторов: «В действительности язык развивается только в обществе, и при этом не только потому, что человек есть всегда часть целого, к которому принадлежит, именно своего племени, народа, человечества, не только вследствие необходимости взаимного понимания, как условия возможности общественных предприятий, но и потому, что человек понимает самого себя, только испытавши понятность своих слов» [1. С. 293; см. также 2. С. 234 (В. фон Гумбольдт)].

В антропоцентризме, исследуемом в рамках лингвоантропологии, на первый план выдвигается общий субстанциональный характер человеческой сущности. В этом ракурсе рассмотрения явление *антропоморфизма* стоит ближе всего к языку. Исходя из этого, большой интерес вызывает изучение именно антропоморфной природы языка с выявлением конкретных лингвокогнитивных механизмов образования соответствующей лексики.

Несмотря на то что антропоморфная природа языка — это факт, признанный в филологии, следует признать, что понимание этого термина в имеющейся научной литературе не является однозначным. В этой связи можно наблюдать две крайние точки зрения: с одной стороны, его неоправданно сужают до религиозного антропоморфизма или до физического внешнего очеловечивания окружающего мира, с другой — его отождествляют с антропоцентризмом, понимаемым как исследование субъективности мышления человека, где в центр помещен он сам.

Человек как мера всех вещей

Пристальное внимание исследователей к сентенции «человек — мера всех вещей» и к проблеме «опредмечивания» ближайшего окружения человека обнажило противоречие, касающееся того, как со временем артефакты стали выходить из-под контроля их создателей, то есть как каждый предмет перестает пониматься человеком как фиксация своего поведения. Фактически речь идет о признании функционирования артефактов и объектов по собственным законам. Более того, в современном мире предметный мир превратился в форму контроля над человеком. Это произошло потому, что при общественном разделении труда человек перестал обладать созданными им объектами как чем-то личным. Подобное часто трактуется как отчуждение и характеризуется как явление, порожаемое развитием кибернетики в целом, когда наука и техника, составляя предметный мир человека, задают ему техническую меру (Н. А. Бердяев, С. Франк, М. Хайдеггер, К. Ясперс и др.).

Но сегодняшняя промышленная, кибернетическая, техническая среда обитания человека постепенно перестает быть враждебной, все больше окультуриваясь и приспособляясь под нужды человека. Сегодня человек утверждает реальность, расширяя свою среду, освобождаясь от многолетней нужды и одновременно восхищаясь красотой сотворенного им. Можно говорить о появлении новой реальности человека, связанной с новой, виртуальной средой обитания человека, а сама

действительность получает название «постдействительность» [3; 5—7].

По мере роста технического прогресса, освоения все большего объема жизненного пространства человек в меньшей степени находится в состоянии тревоги и растерянности и в большей — в состоянии построения новых отношений с природным и виртуальным миром, в которых не предметное, а все больше когнитивно-интеллектуальное существование является для человека основным. Смена парадигм в сторону виртуального конструирования характеризуется изменением вектора вторичной номинации (прежде всего метафоризации) в сторону опредмечивания мира (например, только глубоко понимающий компьютерную систему пользователь сайта с неограниченным доступом может называться *a root*, как если бы специалист, как и корень растения, был «укоренен» в компьютерную систему).

Подобные метафоры воспринимаются интуитивно, без особых усилий. Они настолько распространены, что кажутся естественными и самоочевидными описаниями нашей повседневной жизни. К интуитивно понимаемым метафорам мы относим ориентировочные, структурные, онтологические метафоры (подробно описанные в исследованиях Дж. Лакоффа, М. Джонсона [4]), а также синестетические метафоры типа *a green old age* (*happy*), *yellow silence*, *green envy*, *humid green*, *pale sound*, *bitter tone*, *low sound is classed as dim and high-pitched as bright*.

Даже четырехлетние дети демонстрируют некоторую способность переносить значения метафорически из одной модальности в другую [12]. В этой связи метафора все чаще рассматривается как ранняя когнитивная функция, связанная с синестезией, которая влияет на языковое развитие. Так, довольно частотны метафоры, используемые для передачи близости с точки зрения уровня тактильности: *a warm friendship / handshake* (теплая дружба / рукопожатие). Это объясняется тем, что объятия или иная физическая близость к людям создают ощущение тепла.

Мы используем интуитивные метафоры так часто, что часто даже не замечаем их, нам никогда не приходит в голову, что они метафоры. При их декодировании задействован кристаллизованный тип интеллекта, который включает в себя рассуждения (обычно вербальные), основанные на предшествующих знаниях. В отличие от него подвижный интеллект включает в себя рассуждения (часто невербальные) о новых проблемах, оторванные от предшествующих знаний [10]. Понимание раз-

вернутых ассоциативных нетривиальных метафор, похоже, задействует обе эти основные формы интеллекта.

Следующий пример касается метафоризации в области артефактов, например, метафора *a key*: *a piece of information used to encode or decode a message or messages* (фрагмент информации, используемый для кодирования или декодирования сообщений) — основана на функции ключа (*key* (*l*) — «открывать/закрывать доступ к чему-либо»), в данном случае — к информации.

Исходя из базового доминантного инвариантного компонента все значения можно разделить на пять кластеров:

- *something of primary importance, that prevents from moving* (e. g. *keystone in an arch*) — что-то первостепенное, что предотвращает перемещение (например, трапециевидный камень в арке);
- *something of primary importance, that initiates functioning* (e. g. *key of a valve / clock winding mechanism*) — что-то первостепенное, что инициирует работу (например, ключ клапана / механизма завода часов);
- *something of primary importance, that provides explanation / getting information* (e. g. *keys — signs, colours*) — что-то первостепенное, что дает объяснение / обеспечивает получение информации (например, ключи — знаки, цвета);
- *something of primary importance, that provides explanation/understanding* (e. g. *the key to a riddle*) — что-то первостепенное, что дает объяснение/понимание (например, ключ к загадке);
- *something of primary importance, that provides access to something* (to the success, to a riddle, to a good voice) — что-то первостепенное, что дает доступ к чему-то (к успеху, к загадке, к тому, чтобы иметь хороший голос).

В результате анализа 19 значений полисеманта *key* можно выявить инвариантные компоненты, скрепляющие семантику всего слова: *something of primary importance that can resemble a key in shape or function: can initiate functioning, provide or prevent from movement / explanation / getting information / understanding / access to something* (что-то, что имеет первостепенное значение, которое может напоминать ключ по форме или функции: может инициировать функционирование, обеспечивать или предотвращать движение / получение объяснения / получение информации / понимание / доступ к чему-либо).

Метафора, обеспечивая целостность контекстов, служит ведущим звеном и наиболее частотным

механизмом переноса, являя собой богатство структуры полисеманта и обеспечивая целостность его семантического контекста. Метафора, как мощное орудие персонификации окружающего мира, минимизирует разницу между языком, субъектом и предметом.

Следует отметить особый статус антропоцентризма в рамках когнитивной парадигмы, которая состоит в попытке вербализации знаний о мире с целью реализации прагматических установок коммуникации. Наряду с этим в процессе объяснения фактов языка важнейшее место продолжает занимать интуиция пользователя языка и языковое чутье.

Вместе с тем обращение к теме антропоцентризма в языке и определение его сущностных особенностей приводит к пониманию того, что сам этот термин не определен и зыбок. Несколько размыт и круг задач исследования, постановка которых зачастую носит слишком общий характер. В силу малочисленности попыток анализа конкретного языкового материала не совсем понятно, в какой именно форме он выступает: антропоцентричной, например, можно назвать всю человеческую речь, поскольку она носит большей частью субъективный характер.

Антропоцентризм и антропоморфизм в языке

Как и антропоцентризм, антропоморфизм представляет собой языковую универсалию, предлагая такие категориальные когнитивные механизмы, как соотнесение состояний своего духа с формами своего тела или соотнесение параметров своего тела и его функционирования с параметрами окружающих объектов, артефактов и явлений. Его можно трактовать как реальную форму освоения человеком окружающего его мира, что делает ближе и роднее то, что было для него далеким и чуждым. При этом в той же степени и человек может принимать на себя свойства тех объектов, которые он пытается осмыслить [8; 9; 11; 13].

В целом как тип мировоззрения антропоморфизм являет собой одно из фундаментальнейших свойств человеческого мышления в области категоризации и концептуализации окружающей действительности. Выделим далее в качестве важнейших следующие составляющие антропоморфизма:

- антропоморфизм является ведущим вектором профилирования знаний человека о мире, углом зрения, под которым человек смотрит на окружающий мир и как бы просеивает все знания о нем сквозь сито своего эго; особенно

ярко языковой антропоморфизм проявляется в детстве;

- антропоморфичность является мыслительной и, следовательно, языковой универсалией, поскольку свойственна человеку независимо от его языковой, расовой, политико-экономической или какой-либо другой принадлежности;
- антропоморфический характер человеческого мышления вполне оправдан логически и вполне закономерно имеет глубинные родовые черты, отражает ход и итог мировой истории, представляя собой результат социальных явлений того общества, в котором индивид живет; итог мировой истории укоренен в глубинных архетипических чертах современного человека и отражает результат социальных и политико-экономических воздействий;
- антропоморфизм — это явление, которое затрагивает системные свойства мышления, воссоздающие стереотипы человеческого поведения, в том числе речевого;
- в то же время в любой исторический период особую роль играют индивидуальные качества человека, ищущего все смысловые и жизненные ориентиры в себе и живущего по законам, которые создал сам и по которым судит о своей собственной жизни; антропоморфичность возникает не потому, что с гуманизмом, как считают некоторые исследователи, рождается субъективность как особое свойство человека, антропоморфичность мышления свойственна человеку с тех пор, как он начинает осознавать себя человеком.

Тем не менее приходится констатировать, что антропоцентризм и его воплощение в языке — антропоморфизм — являлись в долгосрочной перспективе стопперами научного прогресса, поскольку упрощали мир и предлагали ненаучное обиходное объяснение природных явлений. Так, на протяжении многих столетий и даже не одного тысячелетия мифы являлись культурной формой мышления человека (а в некоторых культурах и до сих пор являются). Поэтому в науке антропоморфизм зачастую предстает перед нами как «приращенная форма сознания», как некоторое искажение объектов действительности.

Несмотря на этот факт, в современном мире можно повсеместно обнаружить антропоморфизм, который стал привычен в нашей повседневной современной речи и изобилует в ней («яростный/неистовый ветер», «жестокий мороз», «ласковое/

приветливое солнце», «слепой дождик» и т. п.). Употребляемые в обиходе, литературе и даже научной среде подобные вербализованные антропоморфные образы зачастую уже не осознаются как метафоры (за исключением антропоморфизации некоторых объектов в поэзии).

Особой разновидностью очеловечения объектов мира в языке можно назвать и социоморфизм, предполагающий перенесение на объекты окружающей природы различных характеристик общественной организации (приписывание им семейных, возрастных иерархических, производственных и тому подобных отношений и особенностей конкретной социальной общности).

Если исследования по проблемам антропоморфной семантики, хотя и немногочисленные, все же предпринимались в рамках эволюционной эпистемологии и отчасти лингвистики, то таким смежным явлениям, как анимизм, аниматизм и персонификация, менее повезло: ни со стороны аналитической философии, ни со стороны современной лингвистики они не получили должного осмысления.

Как лингвистический объект исследования анимизм представляет собой переосмысление, предполагающее одушевление предметов и объектов окружающего мира и приписывание им человеческих качеств, коими они, естественно, не обладают, таких как целеполагание, воля, креативность и др. Из двух наиболее часто используемых тропов — метафоры и метонимии — анимизм превалирует, по всей видимости, в метонимическом переносе, хотя и метафора в значительной мере способствует использованию анимизма. Метонимия включает такие частотные фигуральные переосмысления, как *собрание бросало ему вызов, зал встал/негодовал/приветствовал/рукоплескал* и т. п.

Термин *анимизм* был предложен Г. Шталем и в том или ином виде фигурирует в ряде направлений аналитической философии, связанных с религиозным дискурсом. В рамках данных исследований *анимизм* понимается как вера в одушевленность всей природы или отдельных ее частей (например, *природа дремлет/притаилась, водопад ревет, подснежники выглянули из-под снега*).

Даже если у экспертов и имеются точные сведения о каком-либо явлении или понятии, то на уровне «народного» сознания они зачастую игнорируются и используются ненаучные приблизительные понятия.

Эффективные антропоморфные метафоры отличаются яркостью и оригинальностью. Так, в ключевой речи о коронавирусе в мае 2020 г. премьер-министр Великобритании Борис Джонсон говорил о коварстве вируса и вместе с тем о том, что пик его опасности миновал: *...shining the light of science on this invisible killer; Its coming down the mountain...* («...проливая свет науки на этого невидимого убийцу»; «Его спуск с горы часто бывает более опасным...»).

Сегодня подобные актуализации кажутся привычными, поскольку отражают массовое обыденное сознание и опираются на практический опыт многих поколений, накопленный в результате наблюдений за объектами или явлениями невооруженным глазом.

Заключение

Итак, в наши дни антропоморфная метафора способствует постижению объектов и явлений действительности «по образу и подобию» человека и тем самым пересекается с одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики — понятием телесности, «воплощенности» (embodiment) как проявлением антропоморфизма в языке и мышлении. Одним из главных разделов антропоморфизма в лингвистике должна быть *антропоморфическая семантика*, выдвигающая на первый план задачу моделирования образа человека по данным языка. Однако, чтобы вплотную к ней подойти, следует разобраться в смежных понятиях и явлениях [14].

Перечисленные явления свидетельствуют об онтологической связи между особенностями восприятия и отражения человеком окружающего мира и самим миром. Последний наделяется теми же физиологическими и духовными свойствами, что и сам человек, в силу потребности в создании собственного комфортного психологического пространства и объяснения законов и механизмов функционирования зачастую враждебной окружающей среды. При этом человек как центр мироздания приспособливает свою среду обитания под себя, задействуя, по всей видимости, врожденные механизмы антропоморфной категоризации действительности. Такое соотношение позволяет создать основу для системного представления антропоморфизма как важнейшей категории лингвокогнитивной антропологии в ряду смежных понятий.

Список источников

1. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
3. Когнитивные стратегии интерпретации интертекстуальных включений в художественном дискурсе (на материале произведений Э. Елинек) / Т. Акашева, С. Песина, Н. Рахимова, Е. Землянухина // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 5—10.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
5. Песина С. А. Специфика философского и лингвистического подходов к центральным проблемам языка // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. Вып. 4 (88). С. 12—16.
6. Песина С. А. Лексический прототип в семантической структуре слова: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998.
7. Песина С. А., Вторушина Ю. Л. Концепт как ментальный культурно значимый конструкт // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Философия. 2016. № 2 (20). С. 120—128.
8. Юсупова Л. Г., Песина С. А. Взаимодействие когнитивных и языковых структур сквозь призму воплощения // Казанская наука. 2019. № 1. С. 104—107.
9. Юсупова Л. Г., Песина С. А. Антропоцентризм как источник пополнения словарного состава языка // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21, № 4. С. 1083—1089.
10. Cattell R. B. Abilities: Their Structure, Growth, and Action. Boston, MA: Houghton Mifflin, 1971.
11. Kostina N., Zerkina N., Pesina S. Polysemous Words Functioning and Process of Concept Formation // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 192, 24. P. 690—694.
12. Perceiving Similarity and Comprehending Metaphor / L. E. Marks, R. J. Hammeal, M. H. Bornstein, L. B. Smith // Monographs of the Society for Research in Child Development. 1987. № 52 (1). P. i—100.
13. Pesina S. A. Word functioning in the processes of thinking and speaking // Cognitive Language Studies. 2011. № 8. С. 79—81.
14. Pesina S., Solonchak T. New Ways of Vocabulary Enlargement // International Science Conference. 2014. Vol. 8, no. 6, pt. XI. P. 1000—1007.
15. Solonchak T., Pesina S. The Image as an Initial Element of the Cognitive Understanding of Words // International Science Conference: International Conference on Language and Technology. World Academy of Science, Engineering and Technology. Vol. 8, no. 6, pt. XI. Venice, Italy, 2014. P. 994—999.

References

1. Humboldt W von. Yazyk i filosofiya kul'tury = Language and philosophy of culture. Moscow: Progress; 1985. 451 p. (In Russ.).
2. Potebnya AA. Polnoe sobranie trudov: Mysl' i yazyk = Complete collection of works: Thought and Language. Moscow: Labirint; 1999. 300 p. (In Russ.).
3. Akasheva TV, Pesina SA, Rakhimova NM, Zemlyanukhina EV. Interpreting cognitive strategies of intertextual inclusions in belles-lettres discourse (based on E. Jelinek's prose). *Voprosy kognitivnoy lingvistiki = Questions of cognitive linguistics*. 2016;(2):5-10.
4. Lakoff Dzh, Dzhonson M. Metafor, kotorymi my zhivem = Metaphors we live by. Moscow: Editorial URSS; 2004. (In Russ.).
5. Pesina SA. Specificity of philosophical and linguistic approaches to the central problems of language. Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. *Seriya "Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija" = Bulletin of the Adygea State University. Ser.: Regional studies: philosophy, history, Sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*. 2011;(4):12-16. (In Russ.).
6. Pesina SA. Leksicheskiy prototip v semanticheskoj strukture slova = Lexical prototype in the semantic structure of a word. Thesis. St. Petersburg; 1998. (In Russ.).
7. Pesina SA, Vtorushina JuL. Concept as a Mental Culturally Significant Construct. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofija = Bulletin of the Voronezh State University. Ser.: Philosophy*. 2016;(2):120-128. (In Russ.).

8. Jusupova LG, Pesina SA. Interaction of cognitive and linguistic structures through the prism of embodiment. *Kazanskaja nauka = Kazan Science*. 2019;(1):104-107. (In Russ.).
9. Jusupova LG, Pesina SA. Anthropocentrism as a source of language vocabulary replenishment. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir University*. 2016;(21-4):1083-1089. (In Russ.).
10. Cattell RB. *Abilities: Their Structure, Growth, and Action*. Boston, MA: Houghton Mifflin. 1971.
11. Kostina N, Zerkina N, Pesina S. Polysemous Words Functioning and Process of Concept Formation. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2015;(192-24):690-694.
12. Marks LE, Hammeal RJ, Bornstein MH, Smith LB. Perceiving Similarity and Comprehending Metaphor. *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 1987;(2-1):i-100.
13. Pesina SA. Word functioning in the processes of thinking and speaking. *Cognitive Language Studies*. 2011;(8):79-81.
14. Pesina S, Solonchak T. New Ways of Vocabulary Enlargement. *International Science Conference*. 2014;(8-6-XI):1000-1007.
15. Solonchak T, Pesina S. The Image as an Initial Element of the Cognitive Understanding of Words. *International Science Conference: International Conference on Language and Technology. World Academy of Science, Engineering and Technology*. 2014;(8-6-XI):994-999.

Информация об авторах

С. А. Песина — доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор кафедры лингвистики и перевода.

Т. Ю. Солончак — кандидат филологических наук, юрист.

Information about the authors

Svetlana A. Pesina — Dr. Sc. (Philology), Dr. Sc. (Philosophy), Professor of the Department of Linguistics and Translation.

Tatiana Yu. Solonchak — Cand. Sc. (Law), Lawyer.

Статья поступила в редакцию 17.01.2021; одобрена после рецензирования 08.03.2022; принята к публикации 25.06.2022.

The article was submitted 17.01.2021; approved after reviewing 08.03.2022; accepted for publication 25.06.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.